

Марина Федагина

Тихий сдвиг

Марина Федагина

Тихий сдвиг

«Автор»

2026

Федагина М. А.

Тихий сдвиг / М. А. Федагина — «Автор», 2026

После лабораторной утечки побережье Чёрного моря стало зоной тихих, но необратимых перемен. Вода, воздух, даже привычный ритм жизни — всё сдвинулось. И люди начали меняться. Кира Викторовна, бывший исследователь, теперь учитель биологии, ведёт дневник наблюдений. Она видит, как обычная жизнь раскалывается на траектории: одни уже дышат иначе, другие борются с собственной физиологией, третьи сохраняют прошлое, но останутся на берегу нового мира. Когда в поселении появляется Влад, её бывший коллега, частные записи обретают научный масштаб. Вместе они ищут ответы. Но данные ведут не к диагнозу, а к вопросу: что остаётся от человека, когда среда требует иного тела? Это не история о катастрофе. Это хроника принятия. О науке, которая становится личной. О любви, рождённой в тишине наблюдений. О том, как человечество делает следующий шаг. Роман о тихой революции тела и сознания. О цене адаптации. И о том, что будущее уже здесь — нужно лишь научиться его видеть.

© Федагина М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утечка	5
Глава 2. Исходный код	7
Глава 3. Серые воды	9
Глава 4. Осадок	10
Глава 5. Стандарт	12
Глава 6. Приближение	13
Глава 7. Эхо	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Марина Федагина

Тихий сдвиг

Глава 1. Утечка

В тринадцать минут первого лаборатория «Нептун» гудела ровно. Низкий, вибрирующий рокот насосов, синее свечение экранов, резкий запах спирта и озона от ламп. Кира стояла у пульта внутри герметичного бокса. На ней плотный защитный комбинезон, респиратор с собственной подачей воздуха, двойные перчатки. Никакой дистанции. Процесс требовал ручной правки.

— Концентрация вышла на максимум, — сказал Влад с соседнего терминала. Голос глухой, пробивается через фильтр маски. — Полтора миллиарда на миллилитр. Больше не растёт.

— Держи температуру, — ответила Кира, не отрываясь от графиков. — Мешалка работает на пределе. Если раскрутишь ещё сильнее, частицы просто разобьёт.

— Кислотность в норме. Охлаждение справляется. Но давление в контуре ползёт. Восемь атмосфер.

Экран моргнул красным. Не сирена. Предупреждение. *ДАВЛЕНИЕ: 8.4 АТМ.*

— Клапан подклинивает, — Влад уже тянулся к ручному вентилю. — Пойдёт обратная волна.

— Сбрасывай по капле, — Кира шагнула ближе. — Не гони поток.

Металл дрогнул. Жидкость внутри не закипела, а схлопнулась. Звук вышел тихим, почти внутренним — будто кто-то сдавил воздух прямо в лёгких. По корпусу прошла вибрация.

Не взрыв. Не фонтан. Тончайший туман, почти невидимый, вырвался из микрощели. Повис в воздухе на пару секунд. Кира дёрнулась назад, манжет зацепился за выступ.

— Разгерметизация! — голос Киры ровный. Она уже била ладонью по кнопке *EMERGENCY LOCK*. — Влад, фиксируй время.

Сирена взвыла с опозданием. Сначала загудели фильтры, потом вспыхнул красный свет. Вентиляция включилась через двенадцать секунд. Двенадцать секунд, чтобы невидимая взвесь осела на столах, ушла в вытяжку и поползла по трубам в соседние отсеки.

В шлюзе техник открыл дверь, не дождавшись зелёного сигнала. Вдохнул. В соседней комнате оператор поправил очки и потёр переносицу. В коридоре охранник снимал перчатки и коснулся запачканного рукава.

А Кира и Влад уже шли через душевую дезинфекции под ледяными струями дезсредства. Комбинезоны, обувь, перчатки — всё шло в утилизатор. В раздевалке Кира сняла маску. Лицо сухое. Ни капли пота. Только лёгкое покалывание на запястье, где врезалась резинка. Провела пальцем. Странная, металлическая прохлада.

— Ты как? — Влад вытирал шею. Голос сиплый.

— Протокол выполнен, — ответила она. — Инцидент зафиксирован. Отчёт к утру.

— Кира, это не рядовая поломка. Тот туман мог

— Осесть на фильтрах. Сгореть под ультрафиолетом. Не пройти через слизистую, — она повернулась. В глазах ни страха, только расчёт. — Мы растим вектор, а не боевой вирус. Запиши в журнал.

Влад промолчал. Спорить с ней сейчас всё равно, что разговаривать со стеной.

Кира подошла к раковине. Умылась. Вода ледяная. Она не поморщилась. Только на секунду задержала дыхание, когда струя коснулась губ. Легко. Слишком легко. Будто тело само знало, как беречь воздух.

Вытерлась, надела чистый халат, вышла в коридор. Гул насосов остался за дверью. Но в груди пульс бился ровно. Медленнее, чем вчера.

В кармане завибрировал планшет. Сообщение от куратора:

«Персонал в изоляции до 06:00. Осмотр стандартный. Инцидент — техсбой. Прессе — ноль»

Кира убрала планшет. Не стала смотреть на пульсометр. Не хотела видеть цифру пятьдесят два.

— Протокол завершён, — сказала она тихо. Только себе.

Глава 2. Исходный код

Прошло семь дней. Лабораторию опечатали. Персонал перевели в ведомственный санаторий у залива. Кира сидела у окна, планшет на коленях. На экране мигал курсор в поле «Цель проекта».

Она не могла написать «*оптимизация гипоксической толерантности*». Это было бы полуправдой. Той, которую она сама себе продавала три года.

— Ты всё ещё над отчётом? — Влад вошёл без стука. Поставил на стол два пластиковых стаканчика с чаем. Пар поднимался медленно, будто воздух в комнате стал плотнее.

— Мне нужно обосновать целесообразность, — не поднимая глаз, ответила Кира. — Комиссия требует. Без цели нет финансирования. Без финансирования проект архивируют. А данные уйдут в шредер.

— Данные уже ушли, — Влад сел напротив. — В кровь. В лёгкие. В наши протоколы. Ты видела сводку по пульсу? У шестерых ниже сорока пяти. Врачи списывают на «спортивную адаптацию».

Кира отложила планшет. Взяла чай. Не пила. Смотрела в окно, где тёмная вода залива билась о бетонную набережную.

Проект «Нерей» начинался не с неё. Идея принадлежала одному из физиологов, ещё в двадцать втором. Он нашёл в пробах со дна Марианской впадины микроорганизмы, чьи клеточные оболочки выдерживали более ста атмосфер. Их белки не денатурировали на холоде. Они использовали кислород только как запасной вариант, а энергию брали из серы и железа.

— Если встроить их механизмы в человеческие клетки, — говорил он на первом брифинге, — мы получим ткань, устойчивую к ишемии. К инсультам. К остановке дыхания.

— К чему ещё? — спросил тогда представитель заказчика. Полковник в штатском.

— К погружению. К экстремальным средам. К выживанию там, где биология обычно сдаётся.

Заказчик не скрывал интересов. Подводные ремонтные работы на глубине трёхсот метров. Спецоперации в высокогорье. Сохранение донорских органов вне холодильника. Медицина и армия всегда шли рука об руку, когда речь шла о пределах человеческого тела. Кира поверила в первый пункт. На второй закрыла глаза. Ради гранта. Ради допуска. Ради доказательства, что она может сделать то, что другим не под силу.

— Мы взяли вирус-переносчик, — проговорила она вслух, будто диктуя протокол. — Очистили его от патогенных фрагментов. Вставили каскады генов: синтез защитных осмолитов, стабилизацию кислородного датчика в клетке, перестройку жировых мембран. Должно было работать как временная терапия. На семьдесят два часа. Потом вектор деградирует. Клетки вернуться к базовой линии.

— Должно было, — эхом отозвался Влад. — Но ты видела данные по стабильности оболочки. При низкой температуре и высоком давлении она не разрушается. Она консервируется. Ждёт.

Кира молчала. Она знала. В отчётах это звучало как «*улучшенная персистенность в биологических жидкостях*». В реальности — вирус не умирал. Он переходил в спячку. Встраивался в длинные некодирующие участки ДНК. Ждал сигнала.

— Какого? — спросила она тогда себя. Теперь ответ пришёл сам. Вода. Холод. Давление. Гормональный сдвиг. Всё, что тело считало стрессом, становилось ключом.

— Ты планируешь написать в отчёте, что вектор стабилен? — Влад подался вперёд.

— Напишу, что требует дополнительного контроля. — Кира вернулась к планшету. Пальцы зависли над клавиатурой. — Потому что если я напишу «*спонтанная активация без*

внешнего стимула», проект закроют. Нас отстранят. А данные всё равно утекут. Лучше пусть они останутся под грифом. Под моим контролем.

— Контроль над тем, что уже внутри? — Влад усмехнулся. Без злобы. С горечью. — Ты серьёзно веришь, что это возможно?

Кира не ответила. Она открыла папку с исходными графиками. Кривые экспрессии генов, карты метилирования, снимки клеток. Всё было чисто. Всё было под контролем. До тех пор, пока биология не решила, что контроль — это иллюзия.

Вибрация планшета. Новое сообщение от медотсека:

«Результаты ПЦР-скрининга персонала. 14/14 положительные. Генетические цепи фрагментированы. Активная репликация не обнаружена. Рекомендация: наблюдение»

Кира закрыла глаза. Двенадцать секунд тумана. И теперь четырнадцать положительных проб. Не болезнь. Не инфекция. Просто присутствие.

— Мы создали не лекарство, — прошептала она. — Мы создали переключатель.

— И не знаем, куда он ведёт, — Влад встал. — Отдыхай. Завтра повторный забор. И Кира. Если что-то начнёт меняться. Не пытайся это исправить. Просто запиши.

Он вышел. Кира осталась одна. За окном вода продолжала биться о бетон. Ритмично. Терпеливо. Она положила руку на живот. Не потому, что там что-то было. А потому, что впервые за три года ей захотелось почувствовать, где заканчивается протокол и начинается жизнь.

Планшет погас. Экран стал чёрным. Но в отражении Кира увидела не учёного. А женщину, которая только что поняла: код уже запущен. И отменить его нельзя.

Глава 3. Серые воды

В душевой пахло хлоркой и озоном, но под этим слоем ощущалось что-то металлическое. Артём стоял на коленях у третьего трапа, в перчатках и маске. Свет от планшета выхватил из тени решётку. Вода давно ушла, но по кромке и боковым стенкам тянулась плотная, перламутровая плёнка. Она держалась упруго, не растекалась, переливалась, как масло на поверхности лужи.

Он открыл стерильный контейнер, провёл тампоном по кромке. Материал лёгкий, но цепкий. Упаковал, заклеил бирку: *Среда. Зона Б. Трап 3. 09:14.*

— Артём, не тяни, — бросил инженер в наушнике. — Вентиляция гудит на износ, а ты с микробами возишься. Протокол по воздуху чистый. Закрывай акт.

— Воздух чистый, — ответил Артём, вставая. — А вода нет. Загружаю пробы в систему. К обеду буду в лаборатории.

Линия щёлкнула. Он вынес контейнер через шлюз, оставил в приёмном окне, вымыл руки, прошёл через пост. За спиной остались тяжёлые двери карантинного блока. В коридоре стало тише. Воздух суше. Но привкус металла на губах не ушёл.

Два часа спустя лаборатория карантинного корпуса гудела ровно. Только центрифуги, термоблоки, тихий гул серверов. Артём снял перчатки, включил терминал. Загрузил штрихкод пробы. Система приняла, запустила подготовку реактивов. Он откинулся на спинку кресла, дождался, пока на экране появится статус: ГОТОВО К ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Только тогда он открыл сводку по персоналу. Запрос шёл по утреннему регламенту кросс-мониторинга. Данные легли двумя колонками.

Слева — смывы. Органическая нагрузка росла. pH сдвинут в щелочную сторону. Остаточный хлор ниже порога эффективности. В микроскопии — структуры, сплетённые экзополимерной матрицей. Архейные микроколонии, опутанные белковыми нитями. Экосистема.

Справа — кровь и моча персонала. Миоглобин +38% к базовой линии. Остаточные вирусные РНК-фрагменты. Липидный профиль менялся: насыщенные цепи вытесняли обычные фосфолипиды. Врачи в общей сводке писали: «Адаптивный ответ на стресс. Наблюдение».

Цифры не ввали. Это не совпадение. Это синхронизация. Тело и среда отвечали на один и тот же сигнал. Клетки не восстанавливались. Они перестраивались.

Он нажал ЗАФИКСИРОВАТЬ АНОМАЛИЮ. Экран мигнул жёлтым.

«Категория: техническое загрязнение. Обработать стандартным дезраствором. Повторный забор через 48 ч. Статус: инцидент локализован»

Артём выдохнул. Открыл бумажный журнал и написал:

«Объект стабилен. Переход в среду подтверждён. Контроль утрачен»

Выключил терминал. Вспомнил душ. Тихий стук капель по керамике. Как одна из них, подхватив тончайшую перламутровую нить, сорвалась с края решётки и исчезла в темноте трубы.

Он не стал переписывать отчёт. Не стал звать дежурного. Встал, погасил свет. Вышел. За дверь система продолжила гудеть.

Глава 4. Осадок

Артём бросил сумку в прихожей, прошёл в ванную. Открыл кран. Вода потекла ровной, холодной струёй.

Он поднял глаза. Остановился.

На белой керамической поверхности, ближе к сливу, тянулась синеватая, склизкая плёнка. Она держалась упруго, переливалась под светодиодной лампой, как масляный блик на луже. Не растекалась. Жила.

Артём смотрел на неё. В голове всплыли цифры из отчёта трёхдневной давности. Голос в наушнике, гул центрифуги, запах дезинфицирующих средств.

«Смывы. Органическая нагрузка росла. pH сдвинут в щелочную сторону. Остаточный хлор ниже порога эффективности. В микроскопии — структуры, сплетённые экзополимерной матрицей. Архейные микроколони, опутанные белковыми нитями. Экосистема».

— Артём? Ты уже дома? — голос Вики из кухни.

— Да. Иди сюда.

Она вошла, вытирая руки полотенцем. Увидела раковину. Нахмурилась. Взгляд скользнул по краю, оценил текстуру, цвет.

— Опять старая труба? Или средство не смыл?

— Не средство. Я видел такое в карантине. В душевой зоне. Делал смывы. — Он говорил ровно, как зачитывал протокол. — Органика растёт. pH уходит в щелочь. Хлор не работает. Под микроскопом матрица из экзополимеров. Археи, белковые нити. Не патоген. Просто колония.

Вика наклонилась ближе. Не тронула. Прищурилась.

— Археи в канализации? При щелочном pH? — кивнула медленно. — Если вода стояла, реагенты окислились, образовалась плёнка-осадок. Металлический привкус, который ты описывал, мог дать оксид меди или железа из старых фитингов. На химическую основу они и сели. Они не опасны. Им просто нужна среда.

— Ты уверена?

— Я преподаю химию и биологию, Артём. Это не инфекция. Это биогеохимический процесс. Трубы, вода, время. Обработаем дезсредством, перестанет расти. — Она взяла бумажное полотенце. Провела по кромке. Плёнка снялась легко. Оставила чистую, гладкую керамику. Ни запаха. Ни липкости. Только прохлада.

Артём выдохнул. Плечи опустились. Напряжённый узел в груди развязался.

— Значит, фон.

— Значит, фон, — она улыбнулась, погладила его по щеке. Кожа была сухой, тёплой. — Иди есть. Суп стынет.

Он кивнул. Вымыл руки. Вода стекала по пальцам. Металлический привкус на языке не исчез. Но больше не тревожил.

Через четыре дня. Бассейн университета. Вечер.

Хлор висел в воздухе тяжёлым, знакомым запахом. Артём стоял у бортика, поправлял очки. Тренер свистнул.

— Сегодня на выносливость. Пятьсот кролем. Потом статика.

Он оттолкнулся. Вода сомкнулась над головой. Холодная. Чистая. Он вошёл в ритм. Гребок. Вдох. Гребок. Ноги работали ровно. Лёгкие не горели. На трёхстах метрах, где обычно начинала подступать усталость, тело просто переключилось. Пульс замедлился. Гребок стал длиннее. Он коснулся стенки на двенадцать секунд раньше личного рекорда. Не задыхался. Просто висел на дорожке, дышал размеренно.

— Статика, — кивнул тренер. — На старт.

Артём опустил лицо в воду. Закрыв глаза. Считал. Двадцать. Сорок. Шестьдесят.

Обычно на девяностых секундах начинало сводить диафрагму. Углекислый газ копился, мозг посылал сигнал паники. Сегодня — тишина. Только ровное давление в груди.

Вынырнул. Сделал один глубокий вдох. Ни головокружения. Ни скачка пульса. Только спокойствие.

— Ого, — тренер свистнул. — Новый личный. Как ты это сделал?

Артём стёр воду с лица. Улыбнулся.

— Дыхание поставил. И восстановление нормализовал. Просто форма.

— Форма, — повторил тренер, делая запись в журнале. — Хорошая работа.

Артём выбрался из воды. Струи стекали с плеч. Вода не холодила. Она обволакивала. Как вторая кожа. Он вытерся, оделся, пошёл к выходу. Металлический привкус остался. Слабее. Смешался с хлором. Он не думал о трапах. О биоплёнках. О щелочном рН.

Он просто чувствовал силу.

Глава 5. Стандарт

Галина Ивановна стояла у раковины, сжимая в руке жёсткую губку. Средство «Анти-Извёсть» должно было работать. Вместо этого синеватая плёнка лишь размазывалась, оставляя скользкий след. Она потерла сильнее. Керамика не царапалась. Плёнка не сдиралась. Она держалась.

На шторке в душевой кабине — та же история. Прозрачный пластик за три дня покрылся тонким, перламутровым налётом. Пахло не сыростью. Пахло металлом и чем-то сладковатым, как после грозы.

— Опять та же ерунда, — бросила она в коридор. — Чистила в понедельник, сегодня уже снова.

Сергей Петрович вышел, поправляя домашние тапочки. Прищурился на раковину.

— Канализация старая. Трубы меняли ещё при Союзе. Железо окисляется, осадок даёт.

— Железо не даёт синевы. И не оставляет слизь на пластике.

— Вода жёсткая, Галя. Весной всегда так. Водоканал промывают, а осадок поднимается.

Привыкай.

Она вздохнула, взяла мобильный. Набрала номер управляющей компании. Голос в трубке ответил заученным тоном: «Заявка принята. Параметры воды соответствуют СанПиН. Возможны сезонные колебания минерализации. Рекомендуем установить фильтр тонкой очистки»

— Какой фильтр, если налёт возвращается через два дня?

— Вода безопасна для употребления. Спасибо за обращение.

Гудки. Она положила трубку. Посмотрела на кран. Вода текла ровно, прозрачная. Но стоило набрать стакан — на дне оседала тонкая радужная плёнка.

Она поднесла стакан к губам. Глотнула. Привкус металла. Не резкий. Скорее фоновый, как если бы лизнуть старую монету. Раньше тошнило. Сейчас — нет.

— Трубы, — пробормотала она. — Всё трубы.

Вечером, принимая душ, она заметила странность. Кожа после мытья не стягивалась. Не требовала крема. Вода казалась мягче. Она постояла под струёй, слушая, как капли стучат по кафелю. Ритмично. Убаюкивающе.

Сергей уже спал. Храп доносился из спальни. Галина выключила воду. Вытерлась полотенцем. В зеркале лицо не выглядело усталым. Наоборот. словно кровь бежала чуть медленнее, чуть ровнее. Пульс в шее бился не так часто, как раньше. Она не стала считать. Просто выключила свет.

Утром на раковине снова блестела тонкая синеватая полоска. Галина не стала хватать губку. Просто открыла кран. Вода смыла её. Тихо. Без усилий. Как будто смывать было уже нечего.

Она не знала про карантин. Не знала про смывы, археи, экзополимеры. Знала только: вода изменилась. И вместо того чтобы бороться с ней, тело просто приняло её как должное.

Глава 6. Приближение

Тест лежал на краю умывальника. Две полоски. Чёткие. Не расплывшиеся. Вика смотрела на них долго. Потом закрыла глаза. Выдохнула. Не заплакала. Просто улыбнулась.

Артём вошёл с пакетами из магазина. Увидел её лицо. Поставил пакеты на пол. Подошёл.

— Что?

Она протянула палочку. Он посмотрел. Поднял взгляд.

— Мы?

— Мы.

Он обнял её. Крепко. Без слов. Когда отстранился, первым делом спросил: «Как ты себя чувствуешь?».

— Нормально. Даже лучше, чем обычно. Тошноты нет. Голова не кружится.

— Значит, повезло, — он кивнул. — Нам нужно уехать.

— Куда?

— Подальше от города. Воздух, море, тишина. Я не хочу рисковать. Возьмём отпуск. Оба.

Вика согласилась не раздумывая. Преподавательская нагрузка позволила взять отпуск на два месяца. В отделе кадров Артёма отпустили без вопросов: «семейные обстоятельства, карантинные последствия, восстановительный период». Билеты взяли через три дня. Поезд до Туапсе, потом автобус, потом двадцать минут пешком по серпантину.

Посёлок притаился между отрогами гор и морем. Частный домик с террасой, сосны, галечный пляж в пяти минутах ходьбы. Хозяин оставил ключи под ковриком. Внутри пахло деревом, пылью и чем-то острым, как после грозы.

В первый вечер Вика открыла балконную дверь. Воздух вошёл плотный, влажный. Артём глубоко вдохнул. Лёгкие не напряглись. Пульс, который дома держался на пятидесяти, здесь упал до сорока шести. Он не испугался. Просто отметил: «Море успокаивает».

Вика поднесла ладонь к щеке. Кожа после умывания не стянулась. Вода из-под крана была жёсткой, но на вкус — не металлической. Скорее солёной. Как будто море уже было внутри.

На третий день Артём пошёл плавать. Зашёл по пояс. Вода обожгла холодом, но тело не сжалось. Оно раскрылось. Он поплыл. Кролем. Ровно. Без рывков. На середине залива остановился. Лёг на спину. Закрыв глаза. Задержал дыхание. Не специально. Просто так вышло.

Ни паники. Ни жжения. Только тишина и ровный стук пульса в висках.

Вика сидела на камнях, кутаясь в плед. Смотрела, как он плывёт к берегу.

— Ты даже не запыхался, — сказала, когда он вышел.

— Море лечит, — улыбнулся он. Сбросил воду с плеч. — Ты мёрзнешь? Плед не зря взяла.

Она кивнула. Положила руку на живот. Ещё рано чувствовать. Но тело уже знало.

Вечером они сидели на террасе. Чай остывал. Море шумело ровно. Как дыхание. Артём смотрел на воду. Вика — на него. Никто не говорил о плёнках. О смывах. О том, что вода в их доме в апреле пахла металлом. Это было в прошлом. Сейчас было только море. И оно принимало их без вопросов.

Он закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул. Пульс бился медленно. Уверенно.

Глава 7. Эхо

Коридор третьего корпуса института встретил её привычным гулом вентиляции и запахом старого паркета. Кира несла папку с архивными сводками, шагала размеренно, как всегда. Плечи прямые, взгляд вперёд. Контроль. Даже после перевода в другой отдел она не позволяла себе расслабиться.

— Кира?

Она обернулась. Из дверного проёма вышел Артём. В обычной светлой рубашке, рукава закатаны до локтя. Загорелый. Отдых в отпуске оставил на коже ровный бронзовый оттенок, а в движениях — какую-то новую, плавную уверенность. Он шёл не торопясь. Дышал глубоко. Пульс на шее бился медленно, ровно. Сорок четыре. Она запомнила цифру ещё в карантинных отчётах. Теперь увидела её вживую.

— Привет, — он улыбнулся. Не формально. По-настоящему. — Давно не виделись. Как архив?

— Живёт своей жизнью, — ответила Кира. Голос не дрогнул. — Ты вернулся? Отпуск отгулял?

— С лихвой. — Он потер затылок, рассмеялся. — Знаешь, я даже не ожидал, что отпустят на два месяца. Мы отдыхали на море. Так лучше для Вики, она беременна.

Слово повисло в воздухе. Кира не моргнула. Не сделала шаг назад. Просто остановилась. В голове мгновенно всплыли цифры: липидный профиль со сдвигом в насыщенные цепи, миоглобин на верхней границе, толерантность к гипоксии, изменённая терморегуляция. Всё это в его крови. В его клетках. И теперь в том, что росло внутри Вики.

— Поздравляю, — сказала она. Тон ровный. Профессиональный. — Срок?

— Двенадцать недель. Всё хорошо. Никакого токсикоза. Видимо морской воздух идёт на пользу. — Артём смотрел на неё с тихой радостью. Не замечал, как её пальцы впились в край папки. — Ты как, Кира? Выглядишь сосредоточенно.

— Работа, — кивнула она. — Рада за вас. Правда. Берегите её.

— Обязательно, — он улыбнулся, хлопнул её по плечу. Лёгкое, почти невесомое касание. — Ладно, побежал. Вика ждёт.

Он ушёл. Шаг был лёгким. Спина прямой. В коридоре снова стало тихо. Кира стояла неподвижно. Папка в руках казалась тяжёлой. Она закрыла глаза. Сделала вдох. Выдох. Пульс в её собственном запястье бился на сорока шести. Медленно. Уверенно. Как у него.

Контроль треснул. Не со звоном. С тихим щелчком, который слышишь только сам.

Через три недели. Региональная конференция по эпидемиологии и общественному здоровью. Кофе-брейк.

Кира стояла у окна с бумажным стаканчиком. Смотрела на дождь, размывающий асфальт. Ей было всё равно, о чём читают лекторы. Её пальцы машинально прокручивали в голове графики, которые она собирала ночами.

— Маркова? Неужели ты?

Она обернулась. Дарья. Однокурсница. Сейчас — ведущий эпидемиолог областного центра. Волосы собраны в пучок, под глазами тени усталости, но взгляд живой, цепкий.

— Привет, — Кира кивнула.

— Век не видалась, — Дарья подошла ближе, взяла печенье. — Слышала, ты в архиве теперь.

— Анализ долгосрочных данных, — уточнила Кира. — А ты?

— Бегаю от вспышек к вспышкам, — Дарья усмехнулась, но усмешка вышла нервной. — Лето выдалось жаркое. Жалобы на воду по всему побережью летят мешками. Налёт на трубах,

привкус странный, фильтры забиваются через неделю. Коммунальщики отписываются: «соответствует СанПиН». А люди пьют и не понимают, что происходит.

Кира не подала виду. Сделала глоток кофе.

— И?

— И теперь ЖКТ. Пожилые массово. Тошнота, диарея, слабость. Сеем, ищем патогены. Чисто. Ни сальмонеллы, ни ротавируса, ни норовируса. Этиология неясная. Врачи в растерянности. Лечат симптоматически. — Дарья поморщилась.

Кира молчала. В голове перебирались варианты: сезонный рост кишечных инфекций, старые трубы, нарушение хлорирования, летняя жара + хранение продуктов. Всё укладывалось в стандартную картину. Лето. Осень. Привычный цикл.

— Сезонное, Дарья, — тихо сказала она. — Водопровод старый. Иммуитет у возрастных слабее. Найдёте причину.

— Может, — Дарья вздохнула. — Но знаешь, что странно? Те, кто жалуется на воду из-за вкуса, замечают улучшение кожи. А у тех, кто не пьёт из-под крана, всё как обычно. Связи нет. А я должна её найти.

Они помолчали. За окном дождь усилился. Кира проводила взглядом каплю по стеклу. Та скользила медленно, оставляя за собой тонкий, почти невидимый след.

— Держись, — сказала она. — Если будут данные по геопривязке — скинь. Я посмотрю в архиве.

— Обязательно, — Дарья улыбнулась, уже отворачиваясь к коллеге. — Рада была, Кира. Не пропадай.

Она ушла. Кира осталась одна. Допила кофе. Бросила стаканчик в урну. В кармане завибрировал телефон. Новое сообщение от системы мониторинга: *«Запрос принят. Региональные сводки за август–сентябрь 2035. Обработка»*

Она не улыбнулась. Не вздохнула. Просто включила режим. Контроль уступил место наблюдению. А наблюдение — всегда первый шаг к пониманию того, что ты больше не управляешь процессом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.